

Чайка

Автор:

Борис Акунин

Чайка

Борис Акунин

Наконец-то «Чайка» дописана до конца!

Дамы и господа!

Неужто у вас никогда не возникало ощущения, что главное произведение русской драматургии обрывается на самом интересном месте? Неужто вам не казалось странным, что автор назвал печальную историю о муке творчества и несчастной любви «комедией»? Сочинитель детективных романов Б.Акунин, взяв на вооружение метод дедукции, дописал еще два акта пьесы, и теперь «Чайка», слава Богу, обрела законченный вид. Вы думаете, что Константин Тренев застрелился? О, как вы ошибаетесь! На самом деле все было куда страшнее...

Борис Акунин

Чайка

Действующие лица:

Ирина Николаевна Аркадина, 45 лет, по покойному мужу Треплева, знаменитая актриса.

Константин Гаврилович Треплев, ее сын, 27 лет, писатель.

Петр Николаевич Сорин, ее брат, 62 лет, владелец поместья, действительный статский советник в отставке

Нина Михайловна Заречная, 21 года, актриса, бывшая соседка Сорина.

Илья Афанасьевич Шамраев, 55 лет, отставной поручик, управляющий у Сорина

Полина Андреевна, 43 лет, его жена.

Маша, 24 лет, его дочь.

Семен Семенович Медведенко, 30 лет, ее муж, сельский учитель

Борис Алексеевич Тригорин, 37 лет, столичный беллетрист

Евгений Сергеевич Дорн, 57 лет, врач.

Действие происходит в усадьбе Сорина осенним вечером.

Действие 1

Одна из гостиных в доме Сорина, обращенная Константином Треплевым в рабочий кабинет. Направо и налево двери, ведущие во внутренние покои. Прямо стеклянная дверь на террасу. Кроме обычной гостиной мебели в правом углу письменный стол, возле левой двери турецкий диван, шкаф с книгами, книги на окнах, на стульях. Повсюду – и на шкафу, и на полках, и просто на полу – стоят чучела зверей и птиц: вороны, барсуки, зайцы, кошки, собаки и т. п. На самом видном месте, словно бы во главе всей этой рати – чучело большой чайки с растопыренными крыльями. Вечер. Горит одна лампа под колпаком. Полумрак. Слышно, как шумят деревья и воет ветер в трубах. Время от времени доносится рокот грома, иногда сопровождаемый вспышками зарниц.

Треплев сидит один за письменным столом. Рядом лежит большой револьвер, и Треплев его рассеянно поглаживает, будто котенка.

Треплев(пробегают глазами рукопись): «Афиша на заборе гласила... Бледное лицо, обрамленное темными волосами...» Гласила, обрамленное... Это бездарно (зачеркивает). Начну с того, как героя разбудил шум дождя, а остальное все вон. Описание темного лунного вечера длинно и изысканно. (С раздражением.) Тригорин выработал себе приемы, ему легко! (Хватает револьвер, целится в невидимого врага.) У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса – вот и лунная ночь готова, а у меня и трепещущий свет, и тихое мерцание звезд, и далекие звуки рояля, замирающие в тихом ароматном воздухе... Это мучительно. (Громко стучает револьвером о стол.)

Пауза

Да, я все больше прихожу к убеждению, что дело не в старых и не в новых формах, а в том, что человек пишет, не думая ни о каких формах, пишет, потому что это свободно льется из его души.

Кто-то стучит в окно.

Что такое? (Снова хватается револьвер, глядит в окно.) Ничего не видно... (Отворяет стеклянную дверь и смотрит в сад.) Кто-то пробежал по ступеням. (Окликает с угрозой.) Кто здесь? (Бросается на террасу с самым грозным видом. Возвращается, волоча за руку Нину Заречную. При свете узнает ее, взмахивает рукой с револьвером.) Нина! Нина!

Нина кладет ему голову на грудь и испуганно всхлипывает, косясь на револьвер. Сцена постепенно наполняется светом.

Треплев(растроганный): Нина! Нина! Это вы... вы... я точно предчувствовал, весь день душа томилась ужасно. (Снимает с нее шляпу, тальму, шарфик. Нина покорно стоит.) О, моя добрая, моя ненаглядная, она пришла! Не будем плакать, не будем. (Вытирает слезы с ее лица. Нина вздрагивает от прикосновения.)

Нина. Здесь есть кто-то?

Треплев. Никого.

Нина. Заприте двери, а то войдут.

Треплев. Никто не войдет.

Нина(настойчиво). Я знаю, Ирина Николаевна здесь. Заприте двери...

Треплев(запирает правую дверь на ключ, подходит к левой.) Тут нет замка. Я заставлю креслом. (Ставит у двери кресло). Не бойтесь, никто не войдет.

Нина(пристально глядит ему в лицо). Дайте я посмотрю на вас. (Оглядываясь.) Тепло, хорошо... Здесь тогда была гостиная. Я сильно изменилась?

Треплев. Да... вы похудели, и у вас глаза стали больше. Нина, как-то странно, что я вижу вас. Отчего вы не пускали меня к себе? Отчего вы до сих пор не приходили? Я знаю, вы здесь живете уже почти неделю... (Все больше раздражаясь.) Я каждый день ходил к вам по нескольку раз, стоял у вас под окном, как нищий.

Нина(осторожно). Я... боялась, что вы меня ненавидите. (Находится, говорит быстрее.) Мне каждую ночь все снится что вы смотрите на меня и не узнаете. Если бы вы знали! С самого приезда я все ходила тут... около озера. Около вашего дома была много раз и не решалась войти. (Отодвигается от него.) Давайте сядем.

Садятся.

(Щебечет.) Сядем и будем говорить, говорить. Хорошо здесь, тепло, уютно... Слышите – ветер? У Тургенева есть место: «Хорошо тому, кто в такие ночи сидит под кровом дома, у кого есть теплый угол». (Вздрагивает, сбивается с легкого тона.) Я – чайка... Нет, не то. (Трет себе лоб.) О чем я? Тургенев... «И да поможет Господь всем бесприютным скитальцам...» Ничего. (Рыдает).

Треплев. Нина, вы опять... Нина!

Нина. Ничего, мне легче от этого... (Берет себя в руки.) Я уже два года не плакала. Вчера поздно вечером я пошла посмотреть в саду, цел ли наш театр. А он до сих пор стоит. Я заплакала в первый раз после двух лет, и у меня отлегло, стало яснее на душе. Видите, я уже не плачу. (Берет его за руку, в которой Треплев все еще сжимает револьвер, гладит.) Итак, вы стали уже писателем... вы писатель, я – актриса... Попали и мы с вами в круговорот... Жила я радостно, по-детски – проснешься утром и запоешь; любила вас, мечтала о славе, а теперь? Завтра рано утром ехать в Елец в третьем классе... с мужиками, а в Ельце образованные купцы будут приставать с любезностями. Груба жизнь!

Треплев (рассеянно – он думает о своем). Зачем в Елец?

Нина. Взяла ангажемент на всю зиму. Пора ехать. (Встает.)

Треплев (схватив ее за руку и насильно удерживая – он уже не рассеян, а возбужден; говорит все быстрее, а под конец почти исступленно). Нина, я проклинал вас, ненавидел, рвал ваши письма и фотографии, но каждую минуту я сознавал, что душа моя привязана к вам навеки. Разлюбить вас я не в силах, Нина. С тех пор как я потерял вас и как начал печататься, жизнь для меня невыносима – я страдаю... Молодость мою вдруг как оторвало, и мне кажется, что я уже прожил на свете девяносто лет.

Она в ужасе вырывает руку и отскакивает. Он проворно опускается на колени и целует пол, где она только что стояла.

Я зову вас, целую землю, по которой вы ходили; куда бы я ни смотрел, всюду мне представляется ваше лицо, эта ласковая улыбка, которая светила мне в лучшие годы моей жизни...

Нина(растерянно). Зачем он так говорит, зачем он так говорит?

Треплев. Я одинок, не согрет ничьей привязанностью, мне холодно, как в подземелье, и, что бы я ни писал, все это сухо, черство, мрачно. Оставайтесь здесь, Нина, умоляю вас, или позвольте мне уехать с вами!

Нина в панике быстро надевает шляпу и тальму, причем шарфик соскальзывает на пол.

Нина, зачем? Бога ради, Нина... (В голосе угроза, поднимает руку с револьвером.)

Пауза.

Нина(дрожащим голосом). Лошади мои стоят у калитки. Не провожайте, я сама дойду... (Не выдерживает, нервные слезы.) Д-дайте воды...

Треплев (дает ей напиток; он вновь перешел от возбуждения к отстраненной рассеянности, даже холодности). Вы куда теперь?

Нина(стучит зубами о стакан). В город.

Пауза.

Ирина Николаевна здесь?

Треплев. Да... (Недобро усмехается.) В четверг дяде было нехорошо, мы ей телеграфировали, чтобы она приехала.

Нина(решительно отставляет стакан и, глубоко вздохнув, говорит поставленным, актерским голосом.) Зачем вы говорите, что целовали землю, по

которой я ходила? Меня надо убить. (Картинно склоняется к столу.) Я так утомилась! Отдохнуть бы... отдохнуть! (Поднимает голову, следит за его реакцией.) Я – чайка... не то. Я – актриса. Ну да! (Услышав смех Аркадиной и Тригорина, прислушивается, потом бежит к левой двери и смотрит в замочную скважину.) Он здесь! (Возвращаясь к Треплеву.) Ну да... Ничего... Да... он не верил в театр, все смеялся над моими мечтами, и мало-помалу я тоже перестала верить и пала духом... а тут заботы любви, ревность, постоянный страх за маленького... я стала мелочною, ничтожною, играла бессмысленно... я не знала, что делать с руками, не умела стоять на сцене, не владела голосом. Вы не понимаете этого состояния, когда чувствуешь, что играешь ужасно. Я – чайка. Нет, не то... Помните, вы подстрелили чайку? (Показывает на чучело.) Случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил... Сюжет для небольшого рассказа. Это не то... (Трет себе лоб.) О чем я?.. Я говорю о сцене. Теперь уж я не так... я уже настоящая актриса, я играю с наслаждением, с восторгом, пьянею на сцене и чувствую себя прекрасной. А теперь, пока живу здесь, я все хожу пешком, все хожу и думаю и чувствую, как с каждым днем растут мои душевные силы... (Торжественно, голос звенит.) Я теперь знаю, понимаю, Костя, что в нашем деле – все равно, играем мы на сцене или пишем – главное не слава, не блеск, не то, о чем я мечтала, а умение терпеть. (Приближается, мягко отводит его руку с револьвером, понижает голос.) Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни.

Треплев(печально). Вы нашли свою дорогу, вы знаете, куда идете, а я все еще ношусь в хаосе грез и образов, не зная, для чего и кому это нужно. Я не верую и не знаю, в чем мое призвание.

Нина(прислушиваясь). Тсс... я пойду. Прощайте. Когда я стану большою актрисой, приезжайте взглянуть на меня. Обещаете? А теперь... (Жмет ему руку.) Уже поздно. Я еле на ногах стою... я истощена, мне хочется есть...

Треплев(оживившись). Оставайтесь, я дам вам поужинать...

Нина(быстро). Нет-нет... не провожайте, я сама дойду... Лошади мои близко... Значит, она привезла его с собою? Что ж, все равно. Когда увидите Тригорина, то не говорите ему ничего... (Порывисто.) Я люблю его. Я люблю его даже сильнее, чем прежде... Сюжет для небольшого рассказа... Люблю, люблю, страстно, до отчаяния люблю.

Опомнившись, в ужасе смотрит на Треплева. Его лицо искажено ненавистью, револьвер вновь поднят.

(С испуганной улыбкой.) Хорошо было прежде, Костя! Помните? Какая ясная, теплая, радостная, чистая жизнь, какие чувства – чувства, похожие на нежные, изящные цветы... Помните?... (Монотонно читает, словно убаюкивая.) «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды, и те, которых нельзя было видеть глазом, – словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли. Уже тысячи веков, как земля не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь. На лугу уже не просыпаются с криком журавли, и майских жуков не бывает слышно в липовых рощах...»

Треплев в такт кивает, глаза полужакрыты, рука с револьвером безвольно повисает. Нина медленно отступает к стеклянной двери и убегает.

Треплев (после паузы; говорит и двигается медленно, как автомат). Нехорошо, если кто-нибудь встретит ее в саду и потом скажет маме. Это может огорчить маму...

Содрогнувшись, трясется в беззвучном хохоте. Потом – в продолжение целых двух минут – рвет все свои рукописи на мелкие-мелкие кусочки и бросает на пол, возле стеклянной двери. Отпирает правую дверь и уходит, сжимая револьвер.) Свет на сцене меркнет, и остается лишь освещенный кружок близ лампы. Через полминуты доносится приглушенный треск грома, но зарницы нет. Еще через несколько секунд мимо стеклянной двери быстро проскальзывает чей-то силуэт. Опять грохочет гром, но теперь уже значительно сильнее. Яркая вспышка, порыв ветра распахивает дверь, полощется белая занавеска, с пола взлетают и кружатся мелкие клочки.

Дорн(стараясь отворить левую дверь). Странно. Дверь как будто заперта... (Входит и ставит на место кресло.) Скачки с препятствиями.

Входят Аркадина, Полина Андреевна, за ними слуга с бутылками и Маша, потом Шамраев и Тригорин.

Аркадина. Красное вино и пиво для Бориса Алексеевича ставьте сюда, на стол. Мы будем играть и пить. Давайте садиться, господа.

Полина Андреевна(слуге). Сейчас же подавай и чай. (Зажигает свечи, садится за ломберный стол. Слуга уходит.)

Шамраев(подводит Тригорина к чучелу чайки). Вот вещь, о которой я давеча говорил... Ваш заказ.

Тригорин(глядя на чайку). Не помню! (Подумав.) Не помню!

Громкий хлопок; все вздрагивают.

Аркадина(испуганно). Что такое?

Дорн. Ничего. Это, должно быть, в моей походной аптеке что-нибудь лопнуло. Не беспокойтесь. (Уходит в правую дверь, через полминуты возвращается.) Так и есть. Лопнула склянка с эфиром. (Напевает.) «Я вновь пред тобою стою очарован»...

Аркадина(садясь за стол). Фуй, я испугалась. Это мне напомнило, как... (Закрывает лицо руками.) Даже в глазах потемнело...

Дорн(перелистывая журнал, Тригорину). Тут месяца два назад была напечатана одна статья... письмо из Америки, и я хотел вас спросить, между прочим... (берет Тригорина за талию и отводит к рампе) так как я очень интересуюсь этим вопросом... (Тонем ниже, вполголоса.) Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился...

Тригорин(истощным голосом). А-а-а-а!!! Нет! Не-е-е-ет!

Аркадина(бросается к нему). Боря, Боренька, что с тобой! Что он тебе сказал?!

Дорн(оторопело). Борис Алексеевич! (Разводит руками.)

Тригорин(всхлипывая). Он умер, умер! Я... этого не хотел! Клянусь!

Аркадина(обнимает его, гладит по лицу). Кто умер? Успокойся, на тебе лица нет. Тебе вредно волноваться, ты потом писать не сможешь. (Обернувшись к остальным.) Борис Алексеевич такой впечатлительный.

Шамраев. В самом деле? Вот уж никогда бы не подумал.

Аркадина. Он весь погружен в себя, в творчество, но если его что-нибудь расстроит, потом долго мучается и не может писать. Успокойся, милый. На свете нет ничего такого, что стоило бы твоих слез.

Тригорин(внезапно успокоившись, смотрит на нее со странным интересом.) Даже если это смерть твоего сына?

Аркадина(вполголоса). У меня есть только ты, только ты... (Внезапно до нее доходит смысл слов Тригорина, она резко оборачивается к Дорну.) Это правда? Так все-таки...? Он снова стрелялся, да?

Дорн. Да, и на сей раз, к сожалению, удачно. То есть, я хочу сказать, неудачно.

Всеобщее смятение. Маша некрасиво и громко кричит басом. Секунду спустя к ней присоединяется Аркадина – более мелодично. Поняв, что Машу ей не перекричать, грациозно и медленно падает. Шамраев и Дорн подхватывают ее на руки, стукнувшись при этом лбами.

Шамраев. Пардон.

Вбегает Медведенко. За ним, отчаянно крутя колеса, вкатывается на инвалидном кресле Сорин.

Сорин. Что? Что такое? Что-нибудь с Костей?

Медведенко. Убили? Кого-нибудь убили?

Шамраев. Что ты несешь! Дурак! Константин Гаврилович застрелился.

Маша(перестает кричать). Евгений Сергеевич, дайте папиросу. (Закуривает и говорит, отчетливо выговаривая каждое слово.) Я – никогда – себе – этого – не – прощу. (Отходит к окну и в дальнейшем стоит к залу спиной, обхватив себя за локти.)

Полина Андреевна. Я знала, я знала, что этим закончится...

Аркадина(она все еще на руках у Шамраева и Дорна): Доктор, а может быть, он только ранен? Ведь в прошлый раз лишь чуть-чуть пулей оцарапался. (Поднимается.)

Дорн(махнув рукой): Какой там. Прямо в ухо, и мозги по стенке.

Аркадина снова падает. Ее опять подхватывают.

Аркадина: Но... но почему, зачем? Почему именно сегодня, когда я приехала! Это он нарочно дождался, чтобы мне досадить! Он всегда меня ненавидел.

Сорин(всхлипывая): Что ты, Ирочка, он так тебя любил. Ах бедный, бедный...

Медведенко. Теперь уж лошадь точно не дадут. Ни сегодня, ни завтра. Придется идти шесть верст пешком, да еще под проливным дождем.

Аркадина(выпрямляется, отталкивает Дорна и Шамраева, говорит трагическим голосом): я должна его видеть.

Тригорин(Он уже совершенно спокоен.) Не надо! Я схожу, а тебе не надо.

Дорн(В сторону). Ох уж эти писатели. Еще не вложу перста моего в язвы гвоздинные, не иму веру. А после вставит в роман.

Шамраев. Борис Алексеевич, я с вами.

Входят в правую дверь. Остальные ждут. Дорн наливает в стакан вина и пьет; Сорин, закрыв руками лицо, тихо плачет; Аркадина скорбно смежила веки; Маша стоит у окна; Полина Андреевна с тревогой смотрит на дочь.

Медведенко(робко приближается к Маше). Машенька, я ведь понимаю. Но что ж теперь поделаешь. Ты только не сделай над собой чего-нибудь. Ведь ребенок, Машенька...

Маша(Не повернув головы, с ненавистью). Уйди, Медведенко! Моя жизнь кончена.

Полина Андреевна. Не трогай ее. Ты уходи. Домой уходи. Так лучше будет. Машенька, вот, выпей капель.

Медведенко(отходит). Так ведь дождь. Мне простужаться нельзя.

Возвращаются Шамраев и Тригорин. Первый выглядит деловитым и озабоченным. Второй явно потрясен. Покачнувшись, хватается рукой за дверной косяк. К Тригорину кидается Аркадина.

Тригорин. Голова закружилась. Сейчас... сейчас пройдет.

Аркадина. Тебе не нужно было туда ходить. Ну что он?

Тригорин(вяло). Лежит на зеленом ковре. И всюду кровь...

Шамраев(видит, что Дорн пьет вино, и тоже наливает себе). Да, судьба-индейка. Какого, спрашивается, рожна нужно было? Мечтал стать писателем. Стал. Вот и деньги стали из журналов присылать. Теперь, поди, и вовсе в моду войдет. Самоубийство – это романтично. Книжки станут хорошо продаваться. И ведь все вам, голубушка Ирина Николаевна, вы – единственная наследница.

Аркадина. Оставьте, как вы можете в такую минуту... (Смотрит на закрытую дверь.) Это, должно быть, невыносимо – красное на зеленом. Почему ему непременно нужно было стреляться на зеленом ковре? Вся жизнь – претенциозность и безвкусице.

Шамраев. Ковер, между прочим, персидский, тончайшей работы. Можно сказать, единственная ценная вещь в доме. А кровь потом не отмоешь. Евгений Сергеевич, перевязать бы, что ли? А то его и на стол не положишь – стекать будет.

Дорн. Странное занятие – бинтовать покойника. Ну да мне доводилось делать вещи и почуднее. (Выходит в соседнюю комнату, напевая: «Бедный конь в поле пал.»)

Шамраев. Вот и поужинали. Не нужно было Константина Гавриловича одного оставлять.

Аркадина. Но кто мог предположить. Он был так тих, спокоен... Ах, у меня было предчувствие. Ты помнишь, Борис, я тебе сказала: «Поездка будет печальной»? Сердце, сердце подсказало.

Тригорин. Разве оно могло подсказать тебе что-то другое, если в телеграмме было сказано: «Петр Николаевич совсем плох. Скорее приезжайте»?

Сорин. Ехали хоронить старого, а схороните молодого. (Плачет.) Ну ничего. Милостив Господь. Авось и меня приберет, чтоб тебе, Ирочка, во второй раз не утруждаться. Похоронишь за раз обоих.

Возвращается Дорн. У него закатаны рукава. Вид озадаченный. Молча стоит в дверях, поочередно смотрит на остальных, как будто видит каждого впервые.

Шамраев. Ну что, забинтовали? Звать работников, чтоб клали на стол?

Дорн. Нет.

Шамраев

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/boris-akunin/chayka>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)